

**К ПРОБЛЕМЕ ПОНИМАНИЯ В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ФИЛОСОФСКОГО И НАУЧНОГО
ТВОРЧЕСТВА ВИЛЬГЕЛЬМА ДИЛЬТЕЯ)**

Аннотация: Несмотря на важность категории понимания в исторической науке, пока она не получила должного осмысления и развития. Для разработки концепции «понимающей истории» представляется целесообразным обратиться к анализу воззрений В. Дильтея. Именно он, не являясь историком, стоял у истоков проблемы понимания в «науках о духе», в том числе и в истории.

В статье анализируется метод понимания, разработанный Дильтеем, который он противопоставляет методу объяснения, применяемого в естественных науках, метод интуитивного проникновения одной «жизни» в другую. Отсюда вытекает опора на самонаблюдение (интроспекцию) и разработка теории «сопереживания», «вживания», «вчувствования» как средства интерпретации культуры прошлого.

Ключевые слова: понимающая социология, «понимающая психология», «понимающая история», «науки о духе», описательная психология, непосредственное знание, понимание жизни, концепция переживания, интроспекция, сопереживание, вчувствование, герменевтика.

Об авторе: Виктор Иванович Гольцов – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии науки Самарского государственного университета. 443011 г. Самара ул. Академика Павлова, дом 1 ауд..511«ф», goltsov59@mail.ru

Убежден, что категория понимания, если угодно – понятие «понимающая история» – должны занимать в исторической науке центральное место. Без такого подхода к самой сути исторической науки, она, ни много, ни мало, теряет смысл.

Без понимания происходившего историк обречен либо на банальное фактособираительство, либо на псевдотеоретическое верхоглядство; либо на источниковедческий фетишизм, либо на упорство в отстаивании заданных логических конструкций. Заданных чем угодно – мировоззренческими особенностями историка, или его политическими симпатиями, или так называемым

«социальным заказом», или политической конъюнктурой, или конъюнктурой научной. Без понимания истории или, если угодно, без ощущения истории, между историком и изучаемым им прошлым будет существовать своеобразная незримая стена.

Несмотря на эту очевидную констатацию, концепция понимания в исторической науке сегодня практически отсутствует. Можно выделить ряд интересных работ в области исторической герменевтики, дискуссию о дихотомии объяснения/понимания в историческом познании, работы, посвященные категориям понимания, но не в истории, а в психологии и социологии и это, пожалуй, все. Разумеется, существует множество работ, посвященных глобальным историческим теориям, тому, как они пытаются понять ход исторического процесса. Но понимание в самой исторической науке так и остается лакуной исторического знания.

Итак, в историографии не было попыток сформулировать направление, которое называлось бы «понимающей историей» или которое можно было бы назвать таковым. Но в социологии и психологии подобные попытки предпринимались. В этой связи целесообразно обратиться к теоретическому наследию тех исследователей, которые создавали «понимающие направления» в своих науках.

Любопытно, что понимающая социология была связана с кризисом того метода, на котором социология собственно и базировалась – с кризисом позитивизма. Как известно, Огюст Конт, желая создать точную науку об обществе, отверг не только так называемую теологическую стадию научного познания, но и стадию метафизическую. Метафизическое знание Конт считал спекулятивным, книжным, излишне оценочным и излишне субъективным. На помощь было привлечено так называемое «позитивное», «положительное» знание, основанное на эмпиризме и прагматизме.

Однако применение позитивизма не дало успехов на начальной стадии развития социологии. Попытки отождествить общество либо с биологическим организмом («социальный ор-

ганицизм»), либо с механизмом («социальный механизцизм») и, соответственно, применить к изучению общества законы позитивистских наук – биологии или механики – не дали результата. Тогда возникла попытка скрестить позитивизм с психологией и в результате появилось так называемое «психологическое направление в социологии». Однако первые его разновидности – например, стремление объяснить общество, исходя из так называемой психологии народов, предпринятой В. Вундтом, также потерпели неудачу. И немудрено: ведь психологию народов пытались выделить на основе наук преимущественно описательных, таких как антропология и этнография. Вряд ли описание материала, из которого представители того или иного племени строили свои жилища, или формы черепа могли в принципе объяснить чью-либо психологию, тем более психологию народов.

Таким образом, на рубеже XIX и XX веков позитивизм стал испытывать значительные трудности в объяснении общественной жизни. Для нас эта известная констатация важна не сама по себе, а сточки зрения тех эпистемологических последствий, которые она имела. Возникает вполне закономерная в контексте указанных процессов антипозитивистская тенденция в социогуманитарном знании. Стали отрицаться естественнонаучные методы познания социальной реальности. В адрес социологии как воплощения позитивизма именно на данном этапе стали высказываться упреки в том, что она игнорирует специфику социальных явлений. В частности то, что в области социальных явлений исследователи имеют дело не с механической причинностью, свойственной природе, а с закономерностями человеческого бытия, имеющими телеологический характер.

Это привело к необходимости нахождения специфических методов познания социогуманитарных наук. Так начиналось становление новой гносеологической парадигмы, проводящей резкую грань между миром природы и миром социокультурного бытия.

Именно в данном контексте возникает имя Вильгельма Дильтея (1833 – 1911). О нем говорят как о социальном философе, историке культуры, иногда психологе, но никогда как о социологе. Это и понятно. Дильтей был настолько «вписан» в антипозитивистскую традицию, что даже посвятил специальный труд о невозможности существования социологии как науки.

Как правило, о Дильтее говорится как о создателе «понимающей психологии» (термин его последователя Шпрангера), послужившей толчком к созданию понимающей социологии. Характерно, что термин «понимающая психология» используется в кавычках и с добавкой «так называемая», что говорит, очевидно, о его неконвенциональности, в то время как термин «понимающая социология» употребляется уже без кавычек.

Примечательно, что в этих теориях много общего. Созданы они были в одно время, в одном контексте, в центре их внимания находился человек как субъект социального и иного действия.

Так, исследовательский интерес понимающей социологии принципиально смещается на уровень анализа непосредственных субъектов социальной активности. Социальное действие объясняется осознанием (и/или наличием) смысла, не привносимого извне, а переживаемого субъектом и требующего соотнесения возможного на его основе действия с возможными действиями других. Переплетение таких соотнесений и является непосредственным предметом социологического изучения.

Вернемся от Вебера к Дильтею. О последнем никогда не говорят не только как о социологе, но и как об историке (за редким исключением), и это понятно. Историческая наука в традиционном, описательном понимании не была предметом его интересов. Но, думается, что это несправедливо. «Жизнь ... по своему материалу составляет одно с историей. История – всего лишь жизнь, рассматриваемая с точки зрения целостного человечества...» [8], – подчеркивал Дильтей. Понятие «история» понимается у Дильтея не в качестве описательной дисциплины, а в качестве науки об изменчивом мире человеческих творений

(мире «духа», по его выражению). В то время, как во второй половине XIX века «историзм» ассоциируется преимущественно с утверждением, что главная забота историка – конкретная жизнь конкретных сообществ, что привело к перемещению внимания на событийность и упразднению традиции вопрошания о смысле истории, Дильтей своей теорией пытается противостоять этому историческому позитивизму. И, на наш взгляд, именно Дильтей, не формулируя этого понятия, стоял у истоков того, что мы рискуем назвать «понимающей историей». Нелишне добавить, что один из главных трудов Дильтея называется «Наброски к критике исторического разума».

Суть концепции Вильгельма Дильтея состоит в разделении наук как по предметам, так и по методам. Природа чужда человеку, он существует в области духа. Поэтому в своем сочинении «Введение в науки о духе» (1880), а также в работе «Построении исторического метода в науках о духе» (1910) Дильтей резко противопоставляет науки о духе (*die Geisteswissenschaften*) наукам естественным (*die Naturwissenschaften*). Последние изучают явления путем эмпирического анализа, между тем как науки о духе имеют дело с непосредственной психической деятельностью – и поэтому должны отстаивать свой, соответствующий им метод.

Науки о духе, систему которых Дильтей намеревался построить, суть, строго говоря, общественные науки в современном смысле слова [4]. Объект «духовно-исторического познания» у Дильтея – не просто «культура», а «общественно-историческая действительность» как таковая; поэтому в состав «наук о духе» входят, наряду с привычными гуманитарными дисциплинами, также теория хозяйства и учение о государстве. Система знаний об общественно-исторической действительности включает в себя, согласно Дильтею, две группы наук – «науки о системах культуры» и «науки о внешней организации общества» [4].

Раз Дильтей выстраивал систему «наук о духе», то понятно, что в ней должна существовать своя фундаментальная наука

о структуре и законах «душевной жизни» вообще. По отношению к ней история и теория литературы и искусств, науки о государстве, религия, юриспруденция и т.д. предстанут в качестве приложений. Такую фундаментальную науку о духе Дильтей назвал, как известно, «описательной психологией». Вот что он отметил по этому поводу в одноименной работе: «Под описательной психологией я разумею изображение единообразно проявляющихся во всякой развитой человеческой душевной жизни составных частей и связей, объединяющихся в одну единую связь, которая не примышляется и не выводится, а переживается» [1 с. 28].

Из разницы естественных наук и наук о духе наук следует и разница научных методов. Физические вещи, изучаемые естествознанием, известны нам лишь опосредованно, как явления. Метод наук естественных – это знание опосредованное, рассудочное, понятийное, логическое. Информация, которой оперируют науки о духе, может быть взята только из внутреннего опыта, а именно: из непосредственного наблюдения человека над самим собой, над другими людьми и их отношениями между собой. Поэтому метод гуманитарных наук – непосредственное знание и даже интуиция.

Постепенно Дильтей подходит к главному понятию своей концепции – понятию жизни. Он трактует ее не биологически, а культурно-исторически. Жизнь у него – это прежде всего жизнь духа, а не жизнь вообще [6] и в этой трактовке центральное место занимают понятия «понимание» и «переживание», взаимосвязанные и взаимозависимые.

Понятие жизни предполагает в первую очередь понимание жизни. Ставится задача – понять жизнь из нее самой, то есть из ее темпоральности (*die Zeitlichkeit*) [3 с. 4, 136] и историчности (*die Geschichtlichkeit*).

Темпоральность у Дильтея связана с историчностью. «Настоящее н и к о г д а н е с у щ е с т в у е т, – подчеркивал он, – то, что мы переживаем как настоящее, всегда заключает в себе воспоминание о том, что только что было в настоящем. Среди

всех прочих моментов прошлое продолжает оказывать воздействие на настоящее в качестве некоей силы, значимости прошлого для настоящего, придавая воспоминанию своеобразный характер присутствия, благодаря чему воспоминание вовлечено в настоящее. То, что в потоке времени образует единство в настоящем, поскольку оно имеет единый смысл, составляет то малое единство, которое мы можем назвать переживанием» [З с. 4, 136].

Дильтей выделяет четыре типа проявлений жизни, подчеркивая, что способ и результаты понимания различаются в зависимости от этих типов. К типам проявлений жизни он отнес 1) понятия, суждения и иные образования мысли; 2) поступки; 3) переживания и 4) великие произведения культуры. Если понимание первого типа может быть более полным, в силу того, что содержания мысли всегда остается равным самому себе, то в понимании четвертого типа «мы достигаем сферы, где кончается заблуждение. Великое произведение не может обманывать, оно правдиво само по себе, фиксировано, зримо». Поступок же, по мнению Дильтея, выражает лишь часть нашего существа [З с. 141-142].

Поскольку познающий, будучи живым существом, с самого начала является частью жизни как целого (говоря словами Дильтея, «субъект познания един со своим предметом» [З с. 135]), его доступ к «духовно-исторической» реальности облегчен в сравнении с доступом к природному миру. Духовно-историческая реальность дана ему непосредственно [8].

В связи с этим Дильтей разрабатывает метод «понимания» как непосредственного постижения некоторой душевно-духовной целостности. Понимание, интуитивное проникновение одной «жизни» в другую Дильтей противопоставляет методу объяснения, который применяется в естественных науках, имеющих дело с внешним опытом и конструирующих свой предмет при помощи рассудка. Отметим, что так возникает дихотомия понимание/объяснение и две триады. Триада «объяснение – инообоснование (как выдвижение гипотез) – синтез» есть мето-

дологическое основание «наук о природе», триада «описание – самообоснование (переживание) – анализ» – основание методологии «наук о духе» [7].

Разрабатывая метод понимания, Дильтей подводил жизнь под рубрику психологии – науки о душе, о переживании. Он создает концепцию «переживания». Именно в переживании познающему открывается живая, а не логически препарированная реальность. У Дильтея переживание – это такая действительность, которая существует не в мире, но доступна рефлексии во внутреннем наблюдении, в сознании самого себя. Отсюда – опора на метод самонаблюдения (интроспекции) и разработка теории «сопереживания», «вживания», «вчувствования» как средство интерпретации культуры прошлого.

Дильтей отмечал, что только самоосмысление «делает возможным историческое видение». «Лишь оно одно делает возможным то, что бескровные тени прошлого обретают вторую жизнь. Связь этого самоосмысления с не имеющей границ потребностью отдаваться чужому бытию вплоть до утраты собственного Я и отличает великого историка» [3 с. 4, 140].

Особое же внимание Дильтей обращал на указанную потребность «отдаться чужому бытию», т.е. на понимание других людей и проявлений их жизни. «На основе переживания и понимания самого себя, в их постоянном взаимодействии друг с другом формируется понимание проявлений другой жизни и других людей. ... Для исторического знания необходимо зафиксировать результаты понимания других людей» [3 с. 4, 141].

Естественно, понимание, как необходимое условие вживания и вчувствования, требует особого умения, чуткости, тонкости от понимающего. Это крайне непростая задача. По этому поводу Дильтей отмечал: «Сколь отчетливо обнаруживается в подражании и сопереживании чему-то чуждому и прошедшему то, что понимание основывается на особой личной гениальности! Но поскольку понимание остается важной и постоянной задачей и основой исторической науки, то личная гениальность становится техникой, и эта техника совершенствуется вместе с

развитием исторического сознания. Она обусловлена тем, что понимание имеет дело с устойчиво фиксированными проявлениями жизни, поэтому оно всегда может вновь обратиться к ним» [3 с. 147]. Здесь мы наблюдаем шаг, образно говоря, к алгоритмизации процесса понимания, шаг, связанный с переводом понимания из интуиции в конкретный набор действий. Шаг, который, однако, не получил у автора дальнейшего развития.

Понятно, что такое непосредственное переживание по своей природе сугубо индивидуально. Теперь становится понятно, почему Дильтей считал принципиально невозможным и неправомерным развитие социологии, претендующей на роль обобщающей науки.

Таким образом, главное средство гуманитарного познания Дильтей определял через понимание исторического бытия, противостоящее естественно-причинному объяснению. Отсюда основной и неоднократно цитируемый тезис Дильтея: «Мы объясняем природу, но мы понимаем духовную жизнь».

Итак, понимание, самонаблюдение – с одной стороны и интуитивное проникновение одной жизни в другую, сопереживание, вживание, вчувствование как средство интерпретации культуры прошлого и самого прошлого – вот, на наш взгляд, главный вклад Дильтея в разработку методов социогуманитарных наук вообще и истории в частности. Попытаемся осмыслить его.

Следует отметить, что Дильтей вносил психологический подход в социогуманитарные науки и, в историю, в частности. Очевидно и то, что его теории – понимания и переживания – неизбежно порождали критически оценки в части, касающейся истинности, или, по крайней мере, общезначимости полученного таким путем знания.

Но, на наш взгляд, также очевидно и то, что, увлекшись проблемой поиска объективной истины, социология и история эту проблему так до конца и не решили, а при этом многие перспективные импульсы теории Дильтея потеряли.

Ведь, когда Дильтей в качестве средства адекватной интерпретации культуры прошлого и самого прошлого называл самопонимание, самонаблюдение, внутреннюю рефлексию, он (сознательно или интуитивно – не имеет значения) сделал акцент на том, что сейчас так востребовано – на антропологическом измерении истории. В самом деле, человек, изучающий историю профессионально, или носитель исторической памяти, так или иначе «примеряют историю» на себя. Человек понимает прошлое людей только понимая и осознавая себя. Только сделав это, он может получить представление о других людях, живших в прошлом. Интроспекция (самонаблюдение) является необходимым условием «вживания», «вчувствования» в прошлое. Причем эта «примерка» обоюдосторонняя: получив представление о себе, человек лучше познает людей прошлого; но и получив представление о людях прошлого, человек лучше познает себя. Недаром в работе «Наброски к критике исторического разума» Дильтей в разделе о формах понимания элементарной, начальной формой назвал заключение по аналогии [3 с. 4, 143].

Психологические аспекты теории Дильтея, его концепция понимания, опять-таки вольно или невольно подметила стереотипы массового исторического сознания, коллективной исторической памяти. Сколько бы ни говорили о том, что плохо, когда история является политикой, опрокинутой в прошлое, люди воспринимают прошлое (особенно недавнее) в зависимости от того, как им живется в настоящем. Фигура речи «живется в настоящем» не обязательно означает объективные параметры того, как живется, чаще всего – это субъективное восприятие окружающего, заданное огромным количеством факторов. Но это восприятие настоящего влияет на восприятие прошлого. Мифы о всевозможных «золотых веках» рождаются, когда у человека проблемы в настоящем. Следовательно, прошлое воспринимается через настоящее, через осознание человеком себя в настоящем, а, значит, через самопознание. Это надо не игнорировать профессиональной исторической науке, а учитывать. А ведь у Дильтея это было подмечено.

Особое значение имеют идеи В. Дильтея о «понимании», «сопереживании», «вживании», «вчувствовании» в прошлое. Ведь если человек со-переживает прошлому, со-чувствует его (sic: не ему, а его), то он мысленно проживает прошлое (у Дильтея есть термин «перенесение-себя-на-место-другого»), чувствует вместе с людьми, жившими прошлого, а это – несомненное движение в сторону избегания эпистемологических ошибок, снижение риска некорректных суждений. В свое время Н.А. Бердяев по поводу вульгарно-классового литературоведения марксистов написал: «Чтобы увидеть в литературных произведениях документ человеческой души, нужна такая тонкость, такой сочувственный опыт, такое желание что-то увидеть, что господам Юшкевичам с их классовыми маниями и помышлять об этом нечего» [5, с. 276]. Перефразируя высказывание знаменитого русского мыслителя можно отметить, что для того, чтобы увидеть в документах прошлого человека с его взглядами, мотивациями, мыслями, переживаниями и действиями нужна тонкость, невозможная без самопонимания, без опыта «вчувствования» и «вживания», без желания что-то понять.

Необходимо подчеркнуть еще один момент. Отмеченное Дильтеем «вживание» в прошлое вкупе с акцентом на телеологию логично приводят к необходимости понять цели, а значит и мотивы поступков людей прошлого. А от этого – один шаг к тому, чем прославилась «Школа «Анналов» – к идее восстановления мировосприятия основной массы людей в прошлом, для того, чтобы избежать модернизации истории.

Представители «Школы «Анналов» считали, что для понимания исторического процесса необходимо сначала выяснить образ мыслей человека изучаемой эпохи и культуры, т. е. понять его картину мира, которая и определяет его поведение, индивидуальное и коллективное. «Анналисты» увидели в истории не только социально-экономические схемы, но и живого человека с его мыслями и чувствами, и начали объяснять историю через объяснение мотивации поступков человека. Для реконструкции мировосприятия людей прошлого анналисты ввели в научный

оборот много новых исторических источников, прежде всего, источников личного характера.

Но ведь и вчувствование в образ мыслей человека, и внимание к мотивам его поступков – все это есть в теории Дильтея. И тезис о расширении исторических источников у него присутствует: «Планы, эскизы, наброски, письма, – все в чем дышит жизнь личности, – так же, как рисунки, могут рассказать больше, чем готовые картины [2], – писал он. Таким образом, можно сделать вывод, что учение Дильтея о понимании явилось предвосхищением «Школы «Анналов», и не только ее. В работе «Литературные архивы и их значение для изучения истории философии» у Дильтея присутствуют рассуждения о влиянии эпохи на мыслителя, о необходимости выстроить «мост» между психологией мыслителя и его творчеством, что говорит о Дильтее как о провозвестнике и такой методологии, как «новая интеллектуальная история».

.Итак, идеи Вильгельма Дильтея, будучи развитыми в рамках отмеченного выше ракурса, на наш взгляд, могли бы дать перспективное (особенно с учетом полидисциплинарных методов) учение о понимающей истории. Подобную надежду давала и эволюция взглядов Дильтея на интроспективный метод – от психологизма к историзму. «Внутренний опыт, при котором я углубляюсь в свои собственные состояния, никогда не даст мне возможность осознать свою индивидуальность, – отмечал Дильтей. – Только в сравнении себя с другими я познаю индивидуальное во мне: я сознаю только то, что во мне отличается от другого» [9 р. 318]. Полемизируя с Ф. Ницше, который путем непрерывного самоисследования пытался постигнуть сущность жизни, Дильтей заявляет: «Человек познает себя только в истории, а не посредством интроспекции» [10, р. 279]. Это не просто провозвестие будущих социологических концепций «зеркального Я» или «обобщенного другого», а прямой выход в микроисторию и, через нее, в методологию истории.

Однако научной школы, основанной на понимающей истории, из учения Дильтея, увы, не возникло. Не только его по-

следователи, но и он сам оказались озабоченными проблемой общезначимости, объективности исторического знания. «Как может индивидуальность сделать предметом общезначимого объективного познания чувственно данное обнаружение чужой индивидуальной жизни?» [9, р.333] – спрашивал он сам себя. Акцент на понимании как на интуитивном постижении реальности противоречил основной цели его философского проекта – дать методологическое обоснование историко-гуманитарного познания, что предполагало построение последнего на общезначимом, а не на субъективно-психологическом базисе. Это противоречие Дильтею не удалось полностью снять, хотя с этой целью он вносил коррективы в свою гносеологическую концепцию. Он стал подчеркивать нетождественность «понимания» и «переживания», говорить о том, что в процессе понимания существенную роль играют процедуры анализа и абстрагирования. Вместе с тем акт понимания все равно остался для него прежде всего интуитивным схватыванием («во всяком понимании есть нечто иррациональное»). Дильтей, по сути, сближает историческое познание с искусством. Недаром он писал, что «сопереживание – это творчество» и подчеркивал, что «своего совершенства оно достигает тогда, когда событие пронизано сознанием поэта, художника..., зафиксировано в каком-либо произведении...» [3 с. 4, 146].

Попыткой решить отмеченную проблему является участие Дильтея в разработке герменевтики, в которой он видит искусство понимания письменно фиксированных проявлений жизни.

Разрабатывая проблематику герменевтики, Дильтей ставит вопрос об условиях возможности понимания письменных документов. Высшим таким условием для него выступает гомогенная структура «общественно-исторического мира». Понимающий здесь – такая же часть духовно-исторической действительности, как и понимаемое. «Только то, что сотворено духом, дух в состоянии понять». И все же то, что позволяет произведению или тексту быть понятым – это отнюдь не изначальная изоморфность психологического устройства автора и читателя.

Центр тяжести герменевтической теории Дильтея лежит не только в субъективно-психологической плоскости – свидетельством тому используемая категория «объективного духа» [4]. Таким образом, герменевтика Дильтея, хоть и связана с его категорией «понимание», но требует отдельного разговора, ибо в ней он отходил от своих фундаментальных утверждений.

В этой связи существует точка зрения, что именно на эту, говоря современным языком, сферу культурных объективаций и направлено преимущественное внимание дильтеевской «понимающей психологии», что процесс понимания объективаций вообще не сводится к простой эмпатии («вчувствованию»), а предполагает сложную историческую реконструкцию, а значит – вторичное конструирование того духовного мира, в котором жил автор [4]. Но с такой точкой зрения вряд ли можно согласиться, ибо она убивает саму суть дильтеевской концепции, хотя и отражает ее внутренние противоречия.

В любом случае недооцененный и недоисследованный исторический аспект творчества Дильтея требует дальнейшего изучения. Теория Дильтея позволит не только показать мыслителя как предтечу многих современных теорий истории, но и продолжить разработку и осмысление категории понимания, столь необходимой в исторической науке.

Литература

1. *Дильтей В.* 1996: Описательная психология. СПб.
2. *Дильтей В.* Литературные архивы и их значение для изучения истории философии. Электронный ресурс. URL: www.ruthenia.ru/logos/personalia/plotnikov/transitions/03_archiv.htm
3. *Дильтей В.* 1988: Наброски к критике исторического разума // Вопросы философии, 4, 135-152.
4. Дильтей (Dilthey) Вильгельм (1833-1911) Электронный ресурс. URL: <http://culture.niv.ru/doc/culture/encyclopedia-xx-vek/136.htm>
5. *Бердяев Н.А.* 1993: О «Литературном распаде» // О русских классиках. М.

6. *Лега В.П.* Современная западная философия. Вильгельм Дильтей. Электронный ресурс. URL: www.sedmitza.ru/text/431823.html
7. *Моисеев В.И.* Тайна Вильгельма Дильтея. Электронный ресурс. URL: www.vyacheslav-moiseev.narod.ru/Papers/Diltey.htm
8. Основные идеи философии Дильтея. Электронный ресурс URL: www.term.ru/dictionary/465/word/osnovnye-idei-filosofii-dilteja
9. *Diltey W.* 1924: Gesammelte Schriften. Leipzig-Berlin.
10. *Diltey W.* 1942: Gesammelte Schriften. Leipzig-Berlin.